

Михаил Осокин: Ну не такой уж я зануда

Окончание. Начало на стр. 14

— Да, очень дерзкий.
— Почему дерзкий? Мы рассказали только то, что было, без оценок. Это была хронология событий: как он пришел, как происхождение слова «медведь» Патриарху объяснял, как с детьми общался. Вот это вот весело, да. Они же сами это устраивают, не мы же их подговариваем.
— Но по сравнению с тем, как о том же рассказали другие...
— Ну, у нас же не госканал. Можем себе позволить.

Слухи о моих доходах сильно преувеличены

— И какой ценой? Чего вот ваши акционеры все время внеочередные собрания устраивают, можете объяснить?

— ТБС — единственная телекомпания, где акции распределены между большим количеством людей, у каждого свои интересы. Может, постепенно, и кажется, все к тому идет, они научатся действовать сообща. Тогда и наступит для нас золотой век.
— А пока их возня на вас никак не сказывается?

— Нет. Если не считать финансовых сложностей — экономия на командировках, задерживают зарплату.

— Надолго?
— На месяц. Но обещают же! Я оптимист по натуре. Надеюсь, акционеры все-таки договорятся. Есть же канал, который живет, действует. Не может же он просто так пропасть?..

— Разве?
— Иначе зачем было затевать это все? В конце концов, не одни, так другие заинтересуются.

— Лучшее время часто вспоминаете?
— Теперь реже. Но по-прежнему с эстетической грустью.

— А вам не кажется, что развал НТВ должен был произойти? Вам ведь многие завидовали. Завидовали баснословным зарплатам, кредитам, которые давал Гусинский звездам канала.

— Наши заработки сильно преувеличены, они были сравнимы с другими компаниями. Важнее была атмосфера творческой свободы, единого коллектива, поскольку люди подбирались по интересам. А в общем, конец был неизбежен: 8 лет — большой срок, за такой срок обычно процветающие компании и заканчивают свое существование.

— Что вы сейчас испытываете, когда слышите, что НТВ стал не тот, «киселевская команда» не та?

— Отношусь к этому философски. Лучшие времена прошли, да и просто раздел целого на две части делает каждую из них слабее. Конечно, мы уже не те. Надо просто стараться работать во всю мощь. Вот мы с НТВ почти одинаковое число «ТЭФИ» в этом году взяли. Я считаю, неплохо.

— Спустя два года можете отметить что-то положительное в случившемся?

— Зритель выиграл: новостей стало в два раза больше. Примерно таких, какие были на НТВ.

— Значит, теоретически приветствуете намерение Сенкевича объединить НТВ с ТБС?

— И как это будет выглядеть? Нас же стало вдвое больше — и там, и тут. Конечно, воссоединение — хорошая мечта, но из области несбыточных. У каждого теперь свое хозяйство.

— Но вам-то в первую очередь предлагать вернуться. Пойдете?

— Я мог бы один уйти. Но как тогда быть моей бригаде, корреспондентам? Опять-таки легче остаться. Тогда было легче уйти, теперь — остаться. Чисто психологически даже. Хотя со всеми, кто сейчас на НТВ, у меня нор-

мальные отношения. Таня Миткова вот с днем рождения поздравляла. Нет, никто из них не вызывает у меня антипатии. Кроме, пожалуй, нескольких людей, которые тогда пришли на НТВ и совершили захват.

— У вас было чувство маленькой радости, когда Йордана уволили?

— (Пауза.) Я люблю вспоминать слова Оскара Уайльда: «Вопросы не бывают неприличными. Неприличными бывают только ответы». Поэтому иногда лучше не отвечать.

— Хотя когда-нибудь с кем-нибудь вы ссорились?

— Нет, пожалуй. А зачем? Если я считаю, что прав, не стану

Мне кажется, я неплохой отец, нормальный... Ей 22 года, мне очень приятно, что она тоже выбрала журналистику.

спорить. Отойду в сторону — и все.
— А в гневе бываете? Как это выглядит?

— Во время работы в студии, когда сюжет вовремя не успевают пустить в эфир, я несдержан. Приходится, можно сказать, ругаться. Как в бою — надо быстро и громко отдавать команды. Однажды кто-то перепутал кнопку и посреди сюжета «включил» меня в один из таких моментов: я режиссеру кулаком грозил. Получилось, будто всей стране. Вот это и был верх моего гнева.

Я не замкнутый — я экономный

— Бывший ваш коллега Петр Марченко охарактеризовал вас как «очень скрытного человека», Светлана Сорокина сказала: «Михаил — человек педантичный, с ним трудно сблизиться. Хотя мы давно перешли в общении на «ты», сказать, что мы больше чем коллеги, нельзя».

— И что?

— И как?
— Нормально. Я действительно человек достаточно замкнутый. Точнее, экономный, рациональный. Берегу силы, не люблю делать лишних движений. Не занимаюсь тем, что считаю лишним — тусовки, общение. Мне это не нужно.

фото из семейного альбома

— Кто тогда ваши друзья?
— Буквально несколько человек. Не с телевидения, старые знакомые.

— Однако того, что вы ничего личного на работе не позволяете, тоже не скажете: вы ведь со второй женой (Елена Савина — шеф-редактор новостей. — О.С.) именно на телевидении познакомились.

— Ну, это трудно назвать служебным романом. Мы довольно долго привыкали друг к другу, для обоих наш брак стал вторым, у каждого по дочери... И как-то постепенно сошлись, на выставки ходили, фильмы смотрели, потом обсуждали.

— Вы уже 12 лет вместе. Как отдыхаете друг от друга? Работаете-то вместе...

— На работе мы как раз видимся меньше, чем дома. Я в одной комнате сижу, она в других — в монтажной, в корреспонденской. Вижу Лену только во время выпуска и на летучке. Так что мы друг другу не мешаем. А дома, как научил нас опыт, и правда надо друг от друга отдыхать. Она пойдет к подруге, я полежу почитаю, и наоборот. Но на свободной неделе обязательно выбираемся в кино, театр.

— Что вам запомнилось из последнего?

— Гришковец, пожалуй. Мы очень удачно успели на один из его последних спектаклей «Как я съел собаку». Еще что-то видели. Очень необычно, такого не было еще в театре.

— А читать люблю мемуары о культуре. Из художественной литературы Павича постарался всего прочесть, Ионеску. Из наших Пелевина читал. Примерно то же, что все любят.

— Вы добросовестный академик «ТЭФИ»? Все программы видели?

— Слава Богу, у нас телевизионная семья, поэтому мы с женой смогли поделить обязанности. Полностью доверяя ее вкусу, выставил оценки.

— Как академик «ТЭФИ» может говорить, что нормальный человек не должен смотреть телевизор, как вы сказали в одном интервью?

— Ну это преувеличение. Я имел в виду, что не следует увлекаться. В том смысле, что телевидение у нас такое интересное, что если увлечься, то ни на что другое просто не останется времени...

— На общение с дочерью, например?

— А что? Мне кажется, я неплохой отец, нормальный: из пластилина с Анечкой в детстве

вместе лепили, в кино ходили, гуляли... Ей 22 года, мне очень приятно, что она тоже выбрала журналистику (родители Михаила Осокина — одни из основателей волгоградского телевидения. — О.С.). Работает на «Первом канале» старшим редактором в международных новостях. Уже вышла замуж. Когда собиралась под венец, пришла советоваться. А я же знаю: что ей ни посоветуй, все равно решит по-своему. Пришлось советовать в желательном для нее русле. Зато все приличия были соблюдены.

— Дочь на вас похожа?

— Говорят, да. Такая же педантичная, вездельная, много читает, серьезная. Не знаю, насколько это хорошо для девушки (смеется). Впрочем, хорошо, наверное. О детях пока не думает: хочет сначала состояться профессионально. Часто ко мне обращается за советами, мы встречаемся с ней каждую мою свободную неделю. А с первым теплом опять ролики надену — и вперед.

— Какое-то несолидное увлечение...

— Да у нас сюжеты знаете какие в программе были: там старички гоняют, им лет по 80 — и ничего. Так что у меня все впереди.

■ Ольга Сабурова.

Елена Савина: Миша и мусор выносит, и в магазин ходит

Осокин играет с женой в четыре руки не только дома, но и на работе

Они познакомились в 1990 году. Она работала редактором, он комментатором. Подменял заболевших ведущих, в том числе Татьяну Миткову. Виделись они изредка, в коридорах, общались мало... Пока в 1991 году в компанию не пришел Олег Добродеев. 39-летнего Осокина утвердили в качестве постоянного ведущего, 26-летнюю Сави-

ну назначили ответственным выпускающим редактором (обычно эту должность доверяли людям не младше сорока).
— У меня был выбор, в чьей бригаде работать — с Павлом Огородниковым, Игорем Выхуховым или Осокиным, — вспоминает Елена. — Миша всегда был на отшибе истории, мало с кем общался, ни в чем не участвовал — ни в дразгах, ни в тусовках... Мне в нем это понравилось, нравились его работоспособность, образованность, чувство юмора. Этим он меня и подкосил. У Миши даже сейчас неплохой характер, а раньше он вообще смирный был, не болел ни одной из звездных болезней. Трудно было пройти мимо.

Но Миша был женат и, как человек порядочный, свои чувства не демонстрировал, хотя,

как выяснилось, они были. Признаться в любви, только когда развелся. Как он потом сказал, в тот момент он был уверен, что я к нему этого чувства не испытываю. А вот у меня как раз давно уже сформировались по отношению к нему серьезные намерения.

— Говорят, вас путали с его дочерью?

— Да, я лет до 30 выглядела как 20-летняя. Старость пришла где-то в 35 лет. А Миша каким был в сорок — серьезным, в очках, — таким и остался, только поседел немного. Вот меня первое время и принимали за дочь. Когда мы катались на роликах, например, иногда слышали в спину: «Осокин с дочерью...» И на юге однажды произошел смешной эпизод. Мы отдыхали в Крыму и обедали за столиком с другой семейной парой. А мы, надо сказать, оба сдержанно себя на людях ведем, в лучшем случае за ручку ходим, не больше. Но все равно, мне казалось, наши соседи могли догадаться, что мы не чужие друг другу. В общем, Миша тремя днями раньше меня в Москву уехал, я осталась. Первый обед без него. Здоровуюсь с соседями, и у них

первый вопрос: «Скажите, Осокин — ваш папа?»

— Какой Михаил Глебович в быту?

— Он вполне справился бы с хозяйством и без меня, но раз уж он меня завел, стараюсь отгораживать его от ненужных хлопот. Правда, мусор он выносит. В магазин ходит. Иногда.

— А что любит поесть?

— Да что положишь, то и съест. Миша — он такой аутист, «человек дождя». Ему не нужна ни машина, ни дача, ни еда. Его основной инстинкт — лежать на узкой девичьей кровати в своей 9-метровой комнате и читать. И чтобы никто и никогда к нему не входил. Правда, сейчас он иногда выбирается на поверхность — ходим в театр, кино, на выставки.

— А дома он тоже замкнутый?

— Ну вот вечером мы можем сидеть на кухне друг против друга и читать. Может, слов 5—6 вслух и произнесем.

— Не скучно?

— Мне нравится. И кажется, если бы мы даже жили отдельно, все равно были бы счастливой семьей. Но пока неплохо и вдвоем.